

УДК 930.85(470.1/.2)(082)+94(470.1/.2)(082)
ББК 71.083я43+71.061я43+63.3(23.1)-7я43
К 906

Под редакцией:

Марковой Маргариты Михайловны,
Перхиной Евгении Михайловны.

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» *Аринин Евгений Игоревич*;

кандидат культурологии, заведующая кафедрой начального образования ГАОУ ДПО «Архангельский областной институт открытого образования» *Подчердниченко Надежда Андреевна*

Культурное наследие Русского Севера: интерпретация

К 906 **смыслов:** коллективная монография / Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования. «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова» ; [под редакцией Марковой М.М., Перхиной Е.М.]. – Архангельск : КИРА, 2023. – 228 с.

ISBN 978-5-98450-826-1

Монография представляет собой научную работу коллектива авторов и содержит раскрытие ключевых вопросов осмысления культурного наследия Русского Севера.

УДК 930.85(470.1/.2)(082)+94(470.1/.2)(082)
ББК 71.083я43+71.061я43+63.3(23.1)-7я43

ISBN 978-5-98450-826-1

© ФГАОУ ВО Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2023
© Издательство «КИРА», 2023

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ КЕНОЗЕРЬЯ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ КЕНОЗЕРЬЯ»¹

В последние десятилетия одной из самых востребованных форм описания и репрезентации этнокультурной информации разного масштаба (локальной, региональной, общерусской, общеславянской) стала словарная [СД 1995–2012; ДКСБ 1997; РТК 2001; ОТКУП 2012 и др.]. При всех различиях в дефинициях подобных словарей (этнолингвистический, этнодиалектный, этнокультурный) они схожи в подаче материала, в основу которой положен принцип алфавитного каталога. Собираение в один кластер (= словарную статью) материала, извлеченного составителями из разных источников (как опубликованных, так и архивных), а также наличие внутри словаря гипертекстовых ссылок значительно упрощает процесс поиска информации, позволяющей выявлять в этнокультурных диалектах общее и специфичное. Наличие же в издании вводных аналитических статей, написанных «поверх» корпуса словарных кластеров, в которых содержатся сведения по истории заселения края, его культурным и языковым особенностям, позволяет увидеть системные связи между отдельными сегментами культурной традиции, понять, как она формировалась, функционировала и эволюционировала.

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» на исследование по теме «Концептуальные основания и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

При составлении базового словника этнолингвистического словаря Кенозерья² мы опирались на концепцию культурного ландшафта (КЛ)³, которая при создании ФГБУ «Национальный Кенозерский парк» была положена в основу Программы развертывания его деятельности [Шатковская, Мелютина 2019]. Последняя разрабатывалась при участии сотрудников НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева под руководством Ю.М. Веденина [Веденин и др. 2004; Веденин 2019; Ведерникова 2019; Кулешова 2019]. Согласно одной из исследовательских моделей [Калуцков 2008] в КЛ входит нескольких системных компонентов: природная среда обитания, сообщество людей, проживающих в ней, их хозяйственная деятельность, способ селенческого обустройства жизненной ойкумены – селитьба (жилые, хозяйственные, культовые постройки, их экстерьеры, интерьеры, способ пространственной организации на местности), язык, духовная и материальная культура (Рис. 1).

Язык и культура, будучи составной частью системы КЛ, являются также вербальными и паравербальными «языками» его описания, по отношению к которым остальные компоненты выступают в качестве смысло- и текстопорождающих референтных оснований, а также контекстов их воспроизведения, вариативности и эволюции. Посредством их осуществляется межпоколенная трансляция этнически значимой информации, в том

² Под Кенозерьем нами понимается территория Кенозерского национального парка, включающего помимо крупных озер (Кенозеро, Долгое, Свиное и Лёкшмозеро) окрестности других, взаимосвязанных озёрных систем – Масельгской, Долгозерской, Хергозерской, Наглимозерской, Порженской, Почозерской.

³ Под культурным ландшафтом разумеется «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [Веденин, Кулешова 2004, с. 16].

числе мифологической, запечатлевшей архаические формы восприятия людьми окружающего пространства и нормы поведения в нем.

Словарные статьи содержат две оптики видения и интерпретации КЛ – внешнюю, этную (= позиция исследователя) и внутреннюю, эмную (= позиция члена местного сообщества). Как нам представляется, сопряжение их приводит к более объективным результатам исследования и позволяет избежать решений, нерелевантных для локальной традиции. Сказанным объясняется включение в словарные кластеры фрагментов полевых интервью, взятых у жителей Кенозерья, хранящихся в архивах кафедры русского устного народного творчества (АКФ) и диалектологического кабинета (МГУ ДА) филологического факультета МГУ, неоднократно проводивших экспедиции на территории Кенозерского национального парка, начиная с конца 1950-х годов по настоящее время⁴. Обилие включений реплик и рассказов информантов продиктовано не столько желанием составителей погрузить читателя в стихию народной речи, сколько руинированным современным состоянием традиционной культуры, когда общую картину приходится восстанавливать по фрагментам; помимо всего они позволяют отследить локальные различия в проявлении и трактовке описываемого явления или предмета. Таким образом тексты авторов статей и информантов оказываются в данном издании равноправными и сориентированными друг на друга. Помимо вербального материала для ряда статей предполагается приобщение и визуального (фотографии, карты, рисунки). В тех случаях, когда авторам словарных статей не хватало информации, собранной

⁴ Работа в архиве по подбору материалов для написания словарных статей для настоящего отчета была органичной и необходимой частью реализации проекта. Для облегчения восприятия читателями ряд текстов, представленных в полевом архиве диалектологического кабинета в фонетической транскрипции, переданы в привычном орфографическом формате.

в пределах Кенозерского национального парка, привлекались записи, сделанные на сопредельных территориях, с жителями которых у кенозёр были регулярные хозяйственные, брачные и культурные связи (Ундозеро, Водлозеро, др).

Что касается мифологического ландшафта Кенозерья (состава мифологических персонажей, их пространственной развертки в КЛ, распределении между ними функций, характера взаимоотношений с человеком), то он напрямую обусловлен природным ландшафтом, селитьбой и структурой хозяйствования, которые на Кенозерье, как и в большинстве субрегионов Русского Севера отличаются четко выраженным зональным характером (Рис. 2). Соответственно каждая из зон имеет своего «хозяина» (*genius loci*): «Дак хозяин везде есть. Дома – домовичок. <...> В лесу – лесовичок, в воде – водяничок. Везде есть хозяин. Ну, как ты к нему относиться будешь, так и он» [НГА, пос. Поча; МГУ ДА]. Чем далее от домашних построек она располагается, тем большую опасность для человека представляет патрулирующий ее мифологический персонаж и тем сложнее организованы обрядовые практики, регулирующие взаимоотношение с ним членов местного сообщества.

Подтверждением сказанному служит редукция состава мифологического пантеона, произошедшая после отказа кенозёр, переселившихся в последние десятилетия из малодворных деревень на центральные усадьбы в д. Вершинино и пос. Усть-Почу, от традиционных хозяйственных занятий (выращивание и обработка зерновых культур, скотоводство и др.): в настоящее время собирателям не удается зафиксировать даже краткую информацию о «хозяевах» полей, гумен и овинов (эти постройки на территории Кенозерского парка не сохранились); сведения о баннике представлены преимущественно в форме кратких поверий, а не развернутых нарративов. Исключение составляют лишь три мифологических персонажа – домовой, леший и водяной/русалка, которые традиционно были ключе-

выми в мифологическом ландшафте Кенозерья [Абрамова 2015; Иванова, Пономарева 2016]. Это объясняет, почему по мере утраты менее значимых *genius loci* сфера проявления и влияния «хозяев» дома, леса и озера заметно расширялась: ведь в мифологическом ландшафте не может быть пустых мест. Так, в соответствии с указателем сюжетов-мотивов быличек и бывальщин В.П. Зиновьева [Зиновьев 1987] мотивы Б11г (Домовой предстает перед человеком мохнатым существом), Б15в (Домовой ночью в доме давит человека), АIII6 (Русалка показывается у воды) традиционно закрепленные за «хозяевами» дома и озера, в наши дни в передаче кенозёр распространились на «хозяина» бани⁵, ср.: «Вот и у нас дед рассказывал. Говорит: “Всё раньше говорили: есть баенный, и есть баенный, – говорит, – не верь”. <...> Тоже баню затопили, помылись все, и он решил проверить, мол, есть или нет баенный. Говорит: “Завалился на полоч, сплю, слышу: вроде как будто кто-то где-то зашевелился. Потом, – говорит, – на меня так навалилось тяжелое! Я, – говорит, – пощупал его: он, – говорит, – весь такой шерстяной, мохнатый. Я, – говорит, – шапку в охапку! Да некогда, – говорит, – сидеть больше в бане”» [НТФ, пос. Усть-Поча; 2013, т. 8, № 106а]; «Ну, мама вот у меня рассказывала, что шли рано утром на рассвете откуда-то от праздника и, говорит, такой туман, и выбежала из бани длинноволосая – они думали, что это русалка – выбежала, говорит, девушка из бани и в озеро пошла-пошла, и ушла совсем. Так они решили, что из бани выбежала русалка» [МГВ, д. Вершинино; АКФ 2015, т. 2, № 271]].

Ниже в качестве иллюстрации к сказанному приводится словарная статья, посвященная одному из самых популярных на Кенозерье мифологических персонажей – водяному.

⁵ Отчасти это было спровоцировано тем, что жилые дома кенозер, а тем более бани, возводились рядом с озером.

ВОДЯНОЙ

Водяной (дд. Шишкино, Коровино, Вершинино, Мыза, пос. Усть-Поча, Поча), *водяник* (дд. Вершинино, Рыжково, Першлахта, Мыза, пос. Усть-Поча), *водник* (дд. Рыжково, Горы), *водник* (д. Шишкино), *старичок-водничок* (пос. Усть-Поча), *хозяин воды* (пос. Усть-Поча)⁶ – мужской мифологический персонаж, хозяин и покровитель водного пространства. По поверьям, в каждом озере Кенозерья обитает водяной: «У каждого озера свой. Вот здесь у нас Долго, там Кенозеро, там Свино начинается. В каждом озере свой» [Вав, д. Вершинино; АКФ 2013, т. 2, № 36].

Как и другие хозяева природных и культурных локусов (см. *Банник*, *Домовой*, *Леший*, *Русалка*) водяной имеет семью, о членах которой обыкновенно упоминается в заговорах, произносимых при набирании из водоема воды для лечебных ритуалов: «Бережок батюшка, водушка матушка, царь водяной и царица с малыми детьми, с приходящими гостями, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию» [Харузин 1889, с. 34]. Любопытная история о сватовстве кенозерского водяного к дочери водлозерского приводится в записках известного этнографа Н.Н. Харузина: «...у водяного ильинского была дочь; за ней сватались водяной пречистенский и водяной, владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной и старик – ильинский отдал за него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими камнями дорогу; с тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером» [Харузин 1889, с. 33].

⁶ В заговорах, записанных в 1914 г. на Кенозере и Почозере, называется *морским царем* [Мансикка 1926, №№ 41, 50].

Современные жители кенозерских деревень имеют весьма смутные представления о внешнем облике водяного, ссылаясь на то, что он никому не показывается: «Никто не видел, но вот это всегда все знают – это испокон веков так идет, что хозяин и хозяйюшка есть» [НАН, д. Вершинино; АКФ 2015, т. 2, № 359]; «Все говорят: водяной, водяной, а кто, его никто близко не видел. Он не показывается» [РАД, д. Коровино; АКФ 2013, т. 7, № 163]. Согласно немногочисленным свидетельствам очевидцев водяной, как и русалка (см. *Русалка*), имеет длинные волосы и покрыт шерстью: «...у водника волосы длинные» [ЗАИ, д. Рыжково; АКФ, т. 1, № 40]; «Я не видала, но люди рассказывали, что вот когда он выходит в виде того, как медвежонок и шерстяной такой, шерсть кругом, выходил из воды, а потом опять булькнет» [ГВА, д. Вершинино; АКФ 2013, т. 6, № 43]. Предстать перед человеком водяной может и в облике старика (см. соответствующее именование – *старичок-воднивичок*): «А про одного мужика рассказывали: он видел водяного. Как-то вечером, подвыпивши, шел мимо водоема там какого-то, в деревню или куда. Ну и сидит старичок вроде бы. Он еще подошел, этого старичка пожалел как-то. Сидел, замерз, наверно: “Холодно тебе тут сидеть у воды, укрыться чем”. Как бы пожалел, посочувствовал. Но тот ему сказал: “Ты будешь всегда с рыбой”. Ну и он был этот мужик всегда с рыбой» [КСН, пос. Поча; МГУ ДА].

Суточное время наибольшей активности водяного – вечер, ночь, полночь. С этим представлением связан запрет на купание после захода солнца: «Про водяного пугают больше. Допустим, говорят вот: не ходи ты после одиннадцати, десяти даже, купаться. Вот сядешь, ноги свесишь, он тебя – цоп! Утащит» [НВВ, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 2, № 110]; «...запрещали после двенадцати часов ночи: чтобы не ходили, нельзя уже купаться. Нас всё пугали, что водяной вас заберет, если пойдете купаться после двенадцати» [ВAB, д. Вершинино; АКФ 2013, т. 2, № 38].

Основная вредоносная функция водяного – заманивать людей в воду и топить их: «Здесь тонет очень много, часто. Вот он кого не любит и кого любит – себе забирает молодых» [ПНФ, д. Мыза; АКФ 2013, т. 10, № 25]. Как и леший, водяной может утянуть под воду проклятого в сердцах человека или извести его род: «У одних вот. Вот вы тут воду берете, вот так и у одних. Во время войны был надсмотрщиком. Ну он как, председатель у них там или что. Женщины по пояс лес валили, по пояс! А он им продыху не давал. Сам на коне, в тулупе. Он им тут: давай, давай, давай, давай. А они там все – какие там обувки, какие там одёжки, когда и этих? На ноги нечего было одеть! А они его прокляли. Потому что он такой был, жесткий очень человек. Ну вот. И вот считай, что вся семья у него, вся погибла от воды. Кто ни пойдет рыбачить или что – всё. [То есть это водяной, получается, заступился?] Ну, не лесовик. Водяник! Водяник. Да. Вот. Потом внук приехал. Не знаю, сколько ему, двадцать с чем-то было, пошел в первый раз вечером. Вот приехал вечером, вечером пошел в воду и всё. И как не было! Три сына. Внук, три сына. Хотя вот как только они приедут, из Москвы приезжают там еще из чего-то, но гибнут, от воды гибнут» [ПНФ, д. Мыза; АКФ 2013, т. 10, № 25].

При затруднении с отысканием утонувшего или проклятого кенозёра обращаются к человеку, умеющему отворачивать (см. *Ворожец*), т.е. способному посредством заговоров (по-местному *статей*) вступать в диалог с существами потустороннего мира – водяным, лешим и др.: «...у нас женщина ходит. Щас, говорят, она перестала помогать. Она на воду ходила, с водяным разговаривала. <...> Вот у нее дочь в Конёве утонула, она поехала, сходила на берег (там Онега). На второй день утром рано пришла, уже труп лежал тут вот рядом!» [ШЕА, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 1, № 25]; «А пропадали... Парень ушел куда-то небольшой: годов шести, наверно. И вот они тоже сходили поворожились <...>. Идти надо было к озеру-то. Они пришли к озеру, а поднялась

буря. Мать пришла-то. Да она спугалась и убежала. В озеро бултых кинуться! Так больше и найти не могли потом. Не знаю, уж ворожились снова... Не знаю ничё. Вот эту бурю-то надо было вытерпеть, отстоять, страх перебороть, да она не могла, верно. Бросили что-то в озеро, да она и не разглядела. [А как ворожат?] Я не знаю... Там слова какие-то читают. Всяки ведь есть: есть и домовый, есть и водяной, есть и лесной хозяева. Все есть» [НА, д. Тырышкино; АКФ 2013, т. 9, № 106].

В особые отношения водяной вступает с рыбаками – за оказанные ему услуги наделяет их богатым уловом, за нанесенный вред или нарушение прежних договоренностей – путает сети, лишает добычи: «А еще напротив Няматовской стороны, тут было такое пустое место, тут и пахали немного. Тут ловили сетями. Тут захватывали сети в воде – может кочерга, может еще чего. Отцепить не могли, да говорят: “Поедемте за косой, откосим-ка у водяника руки”. Съездили за косой, приехали, а невод плавает. Видно отпустил. Дедушка всё рассказывал. Говорит: «В таку гору слазали за косой, а водяник и отпустил» [МНВ, пос. Усть-Поча; ЛАНА]; «Мужики вытянули сети, а в сетях водяник. Вот и думали, что с ним делать. Один говорит: “Давай его на берег!” А он (водяной): “Нет, нет, нет”, – забормотал. Другой говорит: “В воду?” А он: “Да-да-да”» [Ведерникова 2003, с.71]; «Вот это как мой отец рассказывал. Он ходил, <...> посмотрел вот эту мережу: не попало ничё, воденик и вышел. Он ему дал закурить. А раньше он что курил? Он курил махорку. И всё. Покурил и ушел к своим. <...> На следующий раз приходит, рыбы ему столько попало – море! Кошель наклал» [ММВ, д. Горы; АКФ 2013, т. 8, № 200].

Отправляясь на озеро, рыбаки обращались к водяному с просьбой о помощи в промысле: «Ну, папа мне всегда говорил, хотя папа у меня был коммунистом, войну прошел, он мне всегда говорил: “В лесу хозяин есть”. Я пока маленькая была, он говорил: “Старичок-лесовичок, старичок-воднивичок. Когда

удишь, ты старичка-воднивичка, рыбки проси”. И я просила: “Старичок-воднивичок, пошли мне рыбку на крючок!”» [НЕИ, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 2, № 140]; «На озере, например, на рыбалку едем тоже: “Хозяин да хозяйюшка, пошлите нам рыбки”. Вот так всегда приговариваем» [НАН, д. Вершинино; АКФ 2015, т. 2, № 359]; «[Вот чтобы хороший улов был, ничего не приговаривал?] “Ловись, рыбка большая! Лови, невод”. [Это как? Когда ставишь невод?] “Ловись, рыбка большая и маленькая”. Три раза проговорят» [ОАВ, д. Шишкино; АКФ 2013, т. 1, № 190].

С целью задабривания хозяина озера рыбаки подкармливают его при открытии рыболовецкого сезона и в праздники, семантика которых связана с водой и рыбой (см. *Иванов день*, *Петров день*): «Когда в первый раз едут на ловлю, берут с собою яйцо, чаю и сахару и опускают их в воду, приговаривая с лодки: “Царь морьской, цярця морьская, подай, Восподи, рыпки и наведи, Осподи, на рыбную тоню, на приловную приволоку!”» [Мансикка 1926, № 41]; «Взять старый женский колпак и узелок табаку и опустить их в воду, приговаривая: “Вот тебе, цярць морьской, табаку, а тебе, цярця морьска на голову колпак, я вам не жалела, дала, и вы мне дайте рыбы!”» [Мансикка 1926, № 50]; «И водяного у нас мужики, например, в апреле, по-моему, праздник Никиты Водопол, праздник водяного. В этот день мужики, если идут на подлѣдную рыбалку, то они в луночку обязательно стопочку выльют и хлеба крошат. С ним (водяным) тоже любят жить дружно. Чтоб рыбку посылал, чтоб улов был. Вот эти моменты они как бы сакральны» [ЛАНА]; «У нас мужики еще водяных подкармливают, подпаивают. Стопочку рыбаки дарят, когда, например, рыбачат или на первую рыбалку идут. [А что при этом приговаривают?] Не знаю. Они не говорят. Если это используют, то этим не делятся» [НЕИ, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 2, № 142]; «Петров день это у нас Лѣкшма. А вообще это мужской праздник. Это вот иначе, как говорили раньше – день рыбака. Это мужской праздник. Мужики на лодке отправля-

ются. Вот Лёкшма тоже там большое озеро. У нас тут с островами, дак как-то так, общий-то вид теряется, а там оно гладкое всё и никаких ни островов, ничего. И они там выезжают там на лодке, краяха хлеба, значит, обязательно водяному. Это мужики вот делают» [ПНФ, д. Мыза; АКФ 2013, т. 10, № 43].

Удачу в рыбном промысле некоторые кенозёра и сегодня программируют посредством великочетверговой магии, до солнышка принося для растопки печи большую охапку поленьев и щепок (см. *Великий четверг*), а оберегаются от злокозненных действий «хозяина» воды посредством молитв или предметов-оберегов: «...всё с Господом Богом. Я <...> только сажусь в лодку: “Господи, благослови!” Пристала на тот берег: “Господи, благослови меня! Господи, ты иди впереди и меня за собой веди!”» [ЛНВ, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 3, № 10]; «Ну иногда разыгрывался ветер, то сё и приходилось, чтоб не утонуть... А то и сам гроб туда на дно тянул людей (в лодке по озеру плыли на кладбище), приходилось этот топорик в деревянную лодочку влеплять. Ну в киль, дно. И успокаивался. Его всегда вот брали с собой, на кладбище везли этот топорик на такой вот самый случай. Просто напросто бывает, что лодка начинает вот как бы ее вот туда засасывать на дно» [КСН, пос. Поча; МГУ ДА].

Ср.: Харузин 1889, с. 27-35; Мансикка 1926; СД 1995, с. 396-400; Ведерникова 2003; Абрамова 2015.

Список условных сокращений

АКФ – Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова.

ЛАНА – Личный архив Нечаевой-Аникеевой Елизаветы Ивановны, 1966 г.р., пос. Усть-Поча.

МГУ ДА – Архив диалектологического кабинета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Список информантов

ААВ – Аникеева Анна Васильевна, 1946 г.р., прож. в д. Вершинино, род. в д. Глазово

ВAB – Вахрамеев Александр Васильевич, 1952 г.р., прож. в д. Вершино.

ЗАИ – Заляжная Анна Ивановна, 1927 г.р., прож. в д. Рыжково, род. в д. Бор.

КСН – Кулаков Сергей Николаевич, 1961 г.р., прож. в пос. Поча, местный.

ММВ – Матюгов Михаил Владимирович, прож. в д. Горы.

МНВ – Мартынова (Нечаева) Надежда Владимировна, 1915 г.р., прож. в пос. Усть-Поча.

ЛНВ – Лобадина Нины Владимировны, 1952 г.р., прож. в д. Усть-Поча.

НА – Нина Алексеевна, д. Тырышкино.

НАН – Ножкина Антонина Николаевна, 1954 г.р., прож. в д. Вершино.

НВВ – Нечаев Владимир Васильевич, 1956 г.р., прож. в пос. Усть-Поча.

НГА – Нечаева Галина Алексеевна, 69 л., прож. в пос. Поча, род. в д. Спицино. пекарь, Поча.

НЕИ – Нечаева-Аникеева Елизавета Ивановна, 1966 г.р., прож. в пос. Усть-Поча, род. в д. Федосово.

НТФ – Новожилова Татьяна Федоровна, 1939 г.р., прож. в пос. Усть-Поча, род. в д. Мыза.

ПНФ – Пиялкина Нина Федоровна, 1947 г.р., прож. в д. Мыза, мест.

РАД – Рыкова Анастасия Дмитриевна, прож. в д. Коровино, род. в Ундозеро.

ШЕА – Шмайхель Екатерина Александровна, 1955 г.р., прож. в д. Усть-Поча, род. в д. Булдыгино.

Список использованной литературы и источников

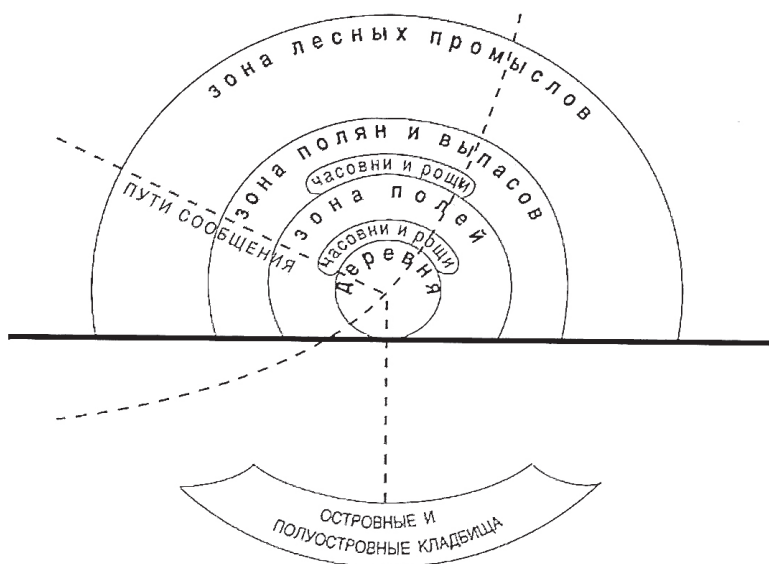
1. Абрамова, А.А. Озеро в культурном ландшафте Кенозерья // «Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития»: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / Сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. Архангельск: ООО «Типография № 2». 2015. С. 112–117.
2. Веденин, Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

3. Веденин, Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование территории Кенозерья // *Наследие и современность*. 2019. № 2(2). С. 20–34.
4. Ведерникова, Н.В. Кенозерские сказки, предания, былички / Вст. ст., сост., прим. Н.В. Ведерниковой. М.: Институт Наследия, 2003.
5. Ведерникова, Н.М. Этнокультурные аспекты крестьянского хозяйства как фактора формирования культурного ландшафта Кенозерья // *Наследие и современность*. 2019. № 2(2). С. 81–94.
6. Морозов, И.А., Слепцова, И.С., Островский, Е.Б., Смольников, С.Н., Минюхина, Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997.
7. Зиновьев, В.П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987.
8. *Иванова А.А., Пономарева В.В.* Леший в культурном ландшафте Кенозерья // *Кенозерские чтения – 2015: «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. Ф. Шатковская; сост.: М. Н. Мелюткина. Архангельск, 2016. С. 101–116.*
9. Калуцков, В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый Хронограф, 2008.
10. Кулешова, М.Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья // *Наследие и современность*. 2019. № 2(2). С. 35–48.
11. Мансикка, В.Н. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии. *Sborník filologický. Vydává III. Třída České akademie věd a umění. – Praha: Nákladem České akademie věd a umění, 1926. – Sv. VIII. Č. 1. – S. 185–233.*
12. Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Тт. 1–2 / Колл. авт.: И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. М.: «Индрик», 2012.
13. Морозов, И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Тт. 1–5. М.: «Международные отношения», 1995–2012.
15. Харузин, Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М.: Б.и., 1889. 73 с.

*Рис. 1. Исследовательская модель культурного ландшафта
[Калуцков 2008]*

Т Е Р Р И Т О Р И Я

А К В А Т О Р И Я

Рис. 2. Пространственная организация культурного ландшафта кенозерской деревни [Кулешова 2019]

ВОЛОГОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ НАКАНУНЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В ЗАПИСКАХ А.А. ТУРУНДАЕВСКОГО

О записках Александра Анатольевича Турундаевского

Воспоминания Александра Анатольевича Турундаевского сохранились у его внучки – жительницы Архангельска Мосягиной Татьяны Евгеньевны⁷. Александр Анатольевич Турундаевский (1900 – 1966) родился в селе Шолоша Шенкурского уезда Архангельской губернии. Его жизненный путь предопределен священническими династиями по отцовской и материнской линии – Турундаевских и Беляевых. Александр Анатольевич учился в Вологодской семинарии. Семинария была закрыта. Александр продолжил учебу в Вологодской педагогическом институте. Учился заочно. Работал учителем физики в селе Ротковец.

Во время Великой Отечественной войны в возрасте сорока трех лет был призван в армию. Служил в штрафном батальоне воспитателем у подростков, пришедших на фронт из лагерей. Был тяжело ранен. Одна пуля пробила легкое, а другая задела голову. С поля боя его вынес бывший заключенный. Сказал: «Приложишь землю к ране – выживешь». Александр Анатольевич выжил. До 1945 года служил писарем в штабе. Последние годы его жизни прошли в селе Подюге Архангельской области.

Записки Александра Анатольевича представляют собой шесть общих тетрадей, исписанных убористым каллиграфическим почерком. Автор вспоминает своих родных и близких –

⁷ Татьяна Евгеньевна Мосягина родилась в 1964 году, а селе Подюга Архангельской области. Татьяна Евгеньевна окончила экономический факультет Московского института инженеров транспорта. Работает инженером-экономистом в Центробанке.

вологодских священников: дедушку Василия, его сыновей, своего отца, знакомых крестьян из числа прихожан. Рассказывает о Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере, о войне 1914-1918 гг., о репрессиях по отношению к «служителям культа».

Во время и сразу после Великой Отечественной войны прекратились гонения на Православную Церковь, но в 60-е годы возобновились в изозированной форме. Священников не расстреливали и не отправляли в лагеря, но под предлогом сохранения памятников культуры и несоблюдения правил противопожарной безопасности закрывали деревенские храмы. Современникам было обещано, что они увидят «последнего попа». Мало кто из советских людей помнил, чем и как жило дореволюционное духовенство. Александру Анатольевичу Турундаевскому важно было передать детям и внукам все, что сохранила его память о его предках и современниках из навсегда ушедшей эпохи.

С разрешения Мосягиной Татьяны Евгеньевны рассказы о семьях Турундаевских-Беляевых частично опубликованы в сборнике «История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей» [9, С. 191-356]. В приложении к нашей статье, публикуемой ниже, предлагаем вниманию читателей фрагменты из тетрадей Александра Анатольевича Турундаевского. Текст источника воспроизводится в незначительной литературной редакции.

Ландшафт Вологодской губернии представляет собой волнообразную равнину. В начале XX века Вологодская губерния занимала срединное положение между Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, Вятской и Тобольской губерниями. В конце XIX века на одну квадратную версту в среднем приходилось три жителя. В Вологодском уезде – 27 человек [7, С. 3.].

В Вологодском, Грязновецком и Кадниковском уездах до отмены крепостного права в 1861 году значительная часть имений принадлежали помещикам. Где бы ни жили хозяева усадеб,

а хоронить себя завещали на родной земле. Здесь же крестились и венчались, а местные священники («колокольные дворяне») с благодарностью принимали щедрые барские пожертвования [1, С. 256].

Как сказано в «Военно-статистическом обозрении» за 1850 год, в Вологодской губернии «...Духовенство здесь, будучи более или менее обеспечено в материальном быту, реже, чем в других местах находится в печальной необходимости прибегать к каким-либо недостойным средствам для увеличения своих доходов, сохраняет в глазах прихожан достоинство приличествующее своему сану. Независимость от мирских нужд позволяет сельским священникам употреблять досуги свои на чтение и удержание в памяти того, чему учились они в молодости». Духовенство здесь «стоит по образованию своему далеко выше сословия городских чиновников и удерживает почетное место в обществе» [1, С. 256-257]. Вологодская духовная семинария готовила выпускников не только к служению в церкви, но и к жизни в сельской местности. Духовные училища воспитывали и образовывали девиц, которые становились женами священников.

В начале XX века благосостояние сельского духовенства ухудшилось. Основным источником дохода «служителей культа» стали государственное жалование, плата прихожан за церковные требы и обработка или сдача в аренду крестьянам пахотной земли и пожен, приписанных к храму.

Священники, разделяли со своими прихожанами трудности сельской жизни. К ним, как к самым грамотным и доверенным людям, крестьяне обращались за советом не только по духовным, но и по хозяйственным вопросам.

Священники стремились использовать наиболее совершенные орудия труда и формы хозяйствования. Крестьяне перенимали их опыт, когда выдели успешный результат. Священники Турундаевские в своих приходах занимались пчеловодством.

Батюшка Анатолий (родной отец Александра Анатольевича Турундаевского) организовал для крестьян Кредитное товарищество («Кредитку») и Кружевную артель.

Вологодские кружева славились далеко за пределами Вологодской губернии, но работу кружевниц перекупщики приобретали за бесценок, а продавали втридорога. В Кружевной артели Анатолий Васильевич так организовал сбыт кружевной продукции, что хорошие кружевницы за зиму зарабатывали на дому до 30 рублей. Для крестьянских семей это были немалые деньги, но в большинстве случаев крестьяне бедствовали. Избы отапливались по-черному. Почти все женщины в деревнях были неграмотны.

В 1891 году Уездное земство организовало в селе Остахово школу, где «полезным наукам» обучались пятнадцать крестьянских детей. В школе изучали Закон Божий, сельское хозяйство, русский язык, арифметику, чистописание, черчение, пение. Учащиеся приобретали навыки в столярном, слесарном и кузнечном ремеслах [7, С.10]. Земство помогало сельским труженикам, но крестьяне с недоверием воспринимали чиновников и агротехнические новшества. Отношение прихожан к своим попам и диаконам определялось не духовным званием, а личными качествами «служителей культа».

Убедительную характеристику Вологодского крестьянства дает указанное выше «Военно-статистическое обозрение». «Несмотря на покорность местным властям, крестьяне в душе своей не имеют к ним доверенности: все нововведения пугают их, и они приписывают их своекорыстному произволу ближайшего своего начальства; тщетно станете объяснять Вологжанину всю пользу нововведения; у него всегда на уме, если не на языке, вертится готовое опровержение: старики наши жили по-старинному, а жили намного лучше нашего... Эта привязанность к старине и отвращение от всякого движения вперед составляют основу характера Вологодского поселянина,

из которой проистекают все добрые и все дурные качества его... Корыстолюбие, зависть, недоброжелательство к ближнему не помрачают здесь тех прекрасных свойств, которыми русский простолюдин так щедро наделен природой. Вологодский крестьянин очень добродушен и кроток, но груб в обращении с незнакомым и подозрительно смотрит на него, как бы ожидая чего-то недоброго... Гостеприимство считается обязанностью каждого; малейшая плата за оказанную услугу принимается с величайшей благодарностью. Честность сельских жителей беспримерна. Во многих отдаленных местах употребление замков вовсе неизвестно. Обманы в торговле встречаются, но не часто. Уголовные преступления в северной части Вологодской губернии чрезвычайно редки» [1, С. 260-161].

Когда читаешь эти строки, кажется невероятным, что в скором будущем эти люди будут разрушать храмы, убивать священников и друг друга.

Судя по воспоминаниям А.А. Турундаевского, в начале XX века хозяйственный уклад прихожан не изменился, но произошли существенные перемены в их духовной жизни. Вера ослабла. Крестьян все так же крестили, венчали и отпевали. По праздникам и воскресениям почти все ходили в церковь, но религиозность становилась все более формальной. Прежде всего, у мужчин. С воскресной литургии они то и дело выходили покурить, потолковать друг с другом о хозяйственных делах. Среди сельских жителей начали появляться атеисты и анархисты.

Натурального хозяйства стало недостаточно для жизни в деревне. Возрасла потребность в деньгах. Молодые мужчины уходили на заработки в города. Становятся модными курение и пьянство («Четверик да скачет, а мошна да плачет»). Среди духовенства появляется разномыслие, которое впоследствии приведет к новому церковному расколу – разделению духовенства на «тихоновцев» (последователей патриарха Тихона) и «обновленцев».

В записках А.А. Турундаевского значительное место уделяется осмыслению трагических событий начала XX века: размышлениям братьев-священников о Церкви, о духовенстве на фронте в войне с Германией, об отношении советской власти к «служителям культа». Турундаевские выписывали, читали журналы и газеты, соотносили личный опыт с событиями, происходящими в стране.

В довоенной церковной и светской печати дискутировался вопрос о подчиненности Церкви государству. Синодальная власть не была каноничной. В декабре 1904 года петербургский митрополит Антоний (Вадковский) от имени столичного духовенства направил царю записку «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». Высокопреосвященство просил ослабить опеку и контроль светской власти над церковной жизнью, лишаящий духовенство инициативы. Предлагалось предоставить церковным приходам статус юридического лица, разрешить созыв совещания архиереев, а также представителей приходского духовенства и мирян, дать возможность сельским священникам участвовать в работе земств, выделить места в Государственном Совете для представителей епископата.

Председатель комитета министров С.Ю. Витте поставил перед государем вопрос «О современном положении Православной Церкви». В документе говорилось о необходимости вернуть патриаршество, избавиться от «мертвящего веянья сухого бюрократизма» [10, С. 248-252]. Предлагалось покончить с кастовостью духовенства, восстановить соборность. Церковных соборов не было с 1689 года.

Обер-прокурор Священного Синода, К.П. Победоносцев, предчувствуя грядущие социальные потрясения, видел спасение России в традиционности сложившихся социальных устоев. В 1914 году увеличилось жалование священникам и количество церковно-приходских школ. В сельской местности строятся

новые храмы, большими тиражами выходит и распространяется церковно-назидательная литература [8, С. 22].

В стране, где 87% населения – крестьяне (христиане – православные земледельцы), от судьбы деревни зависело будущее государства [2, С. 134-162]. Преобразования П.А. Столыпина решали проблему малоземелья крестьян и преодоления их «отсталости» с целью ликвидации социальной напряженности, но объективно способствовали разрушению крестьянской общины, на которой основывался сельскохозяйственный уклад. Из крестьянской среды рекрутировались рабочие для лесозаводов и промышленных предприятий. Хранительницами бытовых и духовных традиций оставались женщины, но среди мужчин распространилось равнодушие к вере и пренебрежение церковными таинствами.

Недоверие к чиновничеству и правительству сельской молодежи и демобилизованных солдат принимало форму богоборчества. Православное мировоззрение многие считали «устаревшим».

Февральская революция стала прологом будущего Поместного собора, на котором избран патриарх Тихон, отречения от власти государя и убийства царской семьи большевиками [5, С. 15]. Сельская жизнь надломилась после войны с Германией (1914-1918). Гражданская война (1918-1920) разрушила единство «православия, самодержавия и народности» [3, С. 183].

Враждебное отношение советского государства к Русской Православной Церкви разрешилось декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении государства от церкви». Этот декрет был воспринят на местах как сигнал к ликвидации Церкви [6, С. 63]. Революционное настроение людей, которые боролись с царским правительством, отождествляло синодальную Церковь с рухнувшей Российской империей [8, С. 41-50].

Первые официальные распоряжения советской власти против Церкви как социального института появились в феврале

1918 года. Из-за Гражданской войны и сопутствующей войне неразберихе в распоряжениях советской власти отсутствовали единая тактика и стратегия.

После войны начались кампании по ликвидации монастырей, вскрытию святых мощей, изъятию церковных ценностей. Стремление лишить Церковь «базиса» для того, чтобы рухнула «надстройка», стало основным содержанием антирелигиозной деятельности органов власти.

В марте 1920 года советская власть закрыла все духовные учебные заведения и организовала регистрацию религиозных объединений для того, чтобы держать верующих под контролем. В сельской местности прихожане, как правило, брали на себя содержание причта. Духовенство привлекалось к участию в общественно-полезных работах, но и это не избавляло священников от положения лишенцев и репрессий в ходе «культурной революции».

В 1918-1920 гг. было убито 28 епископов, тысячи священников посажены в тюрьмы и расстреляны [8, С. 54]. Усилился раскол между «обновленцами» и «тихоновцами». В семье Турундаевских также были противоположные мнения о современной Церкви и возможности ее сосуществования с советской властью.

Великому перелому 1930 гг. предшествовало кооперативное движение. Наибольший размах оно получило в тех волостях, где были сильны общинные традиции [4, С. 186]. Первоначально успехи кооперативного движения внушали оптимизм, несмотря на то, что сельские храмы воспринимались как частные предприятия и облагались непомерным налогом. Благодаря пожертвованиям зажиточных крестьян, духовенство продолжало служение, но коллективизация сельского хозяйства и уничтожение «кулачества как класса» происходило одновременно с разорением церквей и репрессиями по отношению к «служителям культа». Коллективизация изменила жизнь села и структуру хозяйствования до такой степени, что пережившие дальнейшие

потрясения и Великую Отечественную войну (1941-1945) колхозники разделяли историю страны на два периода: «до колхозов» и «после колхозов».

Стратегическим направлением советской власти советской власти в переустройстве деревенского уклада была культурно-просветительная работа. Понятие «культура» основывалось не на христианском культе, а на коммунистической идеологии. Советские формы жизни требовали ритуального закрепления аналогичного христианским обрядам: демонстрация – крестный ход, пение революционных песен – молитва, портреты вождей – образы святых.

В целом записки Александра Анатольевича Турундаевского представляют собой личную исповедь автора и осмысление исторических судеб вологодского духовенства в переломный период отечественной истории.

Турундаевский А.А.

МОЯ СЕМЬЯ

Дед Василий как служитель культа

Дед Василий был убежденный твердо религиозный человек. Он верил в Бога нутром без всяких дум: «Без Бога – не до порога». И всё! Перед праздниками накануне читал правило – молился – готовился к служению. Настраивал свою психику для выполнения религиозного обряда. К выполнению культовых обязанностей относился добросовестно. Выполнял требы. Ездил с крестьянами, исповедовал больных. Эти поездки бывали часто. К больным в тяжелых случаях приходилось ехать во всякое время дня и ночи. Ведь если человек умрет без исповеди, без покаяния, то его скоро не захоронят в землю. Тут вмешается урядник и получается целая волынка для семьи. Каждый крестьянин старался выполнить все, что требует религиозный и гражданский порядок.

Поп писал и духовные завещания, которые скреплял церковной печатью, как нотариус. Когда какая-либо хворь ходит среди населения, попу нет покоя: то в одну сторону везут, то в другую.

Велась в церковной канцелярии книга «Исповедная ведомость», где переписано все население с обозначением года рождения. Были в ней графы по годам, где отмечалось условными значками был – ли данный гражданин на исповеди. По этим ведомостям иногда можно узнать годы интересующих лиц.

Фамилия, имя, отчество	Годы рождения	Был на исповеди			
		1900 г.	1901 г.	И т. д.	

Из такой ведомости статистика по вероисповеданию устанавливала число православных христиан бывших на исповеди, а также и не бывших. Сколько годов, какой – либо гражданин не был на исповеди.

В XX веке (я беру с 1900 по 1917 гг.) наблюдалось, что мужское население стало неаккуратно выполнять религиозные обязанности. Пропускать стали исповедь. Некоторые – до 10-ти и более лет. Некоторые мужчины стали смотреть на исповедь, как на ненужный обряд и очищать свою совесть от грехов не хотели. Женское население из крестьян аккуратно исполняло христианский долг. Бывали на исповеди каждый год и не по одному разу.

Дед Василий – о религиозности для народа

Дед Василий был законоучителем в школе Кресто-Воздвиженской, Закубенской, Вологодского уезда, в шести верстах от села Кубенского. Я в ней учился. Помнятся его слова: «Без Бога не до порога». Бог в душе человека проявляется в виде совести.

Если человек без совести, то в нем нет Бога. Его место занимает зло – Дьявол. Надо молиться, настраивать свою душу на добро, чтобы в человеке был Бог. Надо читать Евангелие. Оно укажет человеку правильный, трудовой путь жизни. Бог заповедал человеку трудиться. Адаму сказано: «В поте лица твоего снеси хлеб твой». Правила жизни, закон жизни – в десяти заповедях Моисея и в Евангельских заповедях блаженства. Религия (Евангельский Закон) указывает пути жизни, дает моральный закон. Молитва (возношение ума и сердца к Богу) успокаивает волнуемую душу человека и приводит его в равновесие – в состояние необходимое человеку в труде. Понимайте слова Христа: «Будьте мудры как змии и просты как голуби»; «Трудно богатому войти в Царство Небесное, скорее верблюд пройдет сквозь игольные уши, нежели богатый войдет в Царство Небесное», «Имей уши слышати, да слышит». Беседы деда были просты, глубоки по содержанию, понятны.

Приходил он в школу редко, не более одного раза в неделю на тридцать минут. Задавал из книжки прочесть параграфы из священной истории, но никогда не спрашивал их рассказывать. Выучивали наизусть молитвы: «Царю небесный», «Отче наш», «Богородица», «Достойно есть», «Благодарим тя, Христе Боже наш», «Символ веры», «Ангелу хранителю».

Молитва был организующим моментом на всякую работу. Само краткой молитвой была «Господи, благослови!»

Время служения деда Василия можно назвать последним периодом «крепости веры». В конце XIX – начале XX вв. среди сельского простонародья была жива вера в Бога. Народ ходил в церковь, исправно выполнял обряды, отмечал праздники, и во многих случаях жизни руководствовался законами религии. Православная вера, православное христианское вероисповедание было государственной религией. В XX веке служители культа – священники – стали получать жалование от государства. Священники вели регистрацию рождаемости и смертно-

сти, давали статистические данные. Священники приводили к присяге верности «Вере, Царю, Отечеству» через поклонение и целование креста и Евангелия. В судах свидетелей приводили к присяге перед допросом при снятии показаний. При войнах солдаты шли в бой, в атаку с лозунгом «За веру, Царя и Отечество!» Вера в Бога лежала в основе жизни, быта и общества. На большинстве государственных должностей были люди православного вероисповедания. Согласно христианского Закона, действовали понятия «грешно», «грех», «совесть». Эти понятия сдерживали дикие поступки людей. Воровства почти не было. Запоры-замки были не нужны. Палка, поставленная у двери, была лучшим запором. Она означала, что хозяин вышел из дома. Убийства были редким явлением. За них ссылали в Сибирь, на Сахалин, на каторгу. О людях, побывавших по суду на каторге или в тюрьме, создавалось общественное мнение как об арестантах.

Ругаться (материться) считалось грехом. Пройти мимо церкви или часовни не перекрестившись – грех. Не соблюдать поста в урочные дни – грех. Быть непочтительным к старшим – грех. Быть невоздержанным в яствах и питии – грех. Злиться, сердиться, делать пакости – грех. Читать книги развращающего содержания – грех. Врать, обманывать, обсчитывать при расчетах – грех. Лениваться, бездельничать, праздно проводить время – грех.

Эти ограничения в поведении создавали своеобразный моральный закон нравственных обязанностей, прав человека (что можно делать и что нельзя) держали человека в определенных рамках.

Народ трудился, но жил, в основном, бедно. Нужда в редкую семью не заглядывала. Дома были с маленькими тулошными окнами. Печи сложены по-черному, без труб. Дым шел прямо в избу и выпускался на улицу через дыру в стене, которая закрывалась деревянной задвижкой.

Праздничные и трудовые дни деда

В праздник Рождество Христово дед Василий и диакон Иван Прокошев с псаломщиком и просвирней ходили по домам славили Христа и пели: «Рождество Твое Христе Боже наш...» и «Дева днесь пресущественного рождает, и земля вертеп неприступному приносит, ангелы с пастырями славословят, волхвы же со звездою путешествуют: нас бо ради младо предвечный Бог». Их сопровождали и сопутствовали пономарь с фонарем, крестоносец и два человека носили икону «Рождества».

Дед Василий ходил с крестом в руках. На груди – епитрахиль, а на голове – скуфья. В каждом доме поздравляли хозяина и хозяйку с праздником и получали, как нищие христославы, по куску хлеба или по пирогу (чем располагал хозяин). Крест ставили в чашку с зерном. Ну, и зерно брали, как должное подаяние.

В Крещение ходили также по домам, кропили святой водой, славили: «Во иордане крещающуся тебе Господи, троическое явися поклонение...».

В Пасху ходили славить Воскресение Христа. Христосовались и пели: «Христос воскрес из мертвых, Смертию смерть поправ, И сущим во гробех живот даровав».

Основным делом у деда Василия было выполнение религиозных обрядов и служба в церкви. Весь день – в делах. Сельскому попу XIX – XX вв. некогда было заниматься идеологическими вопросами. Мне кажется, был практический лозунг – «Веруй, надейся и жди!»

Все эти христославы напоминают «калик переходящих». Нечего греха таить. Бывало и так, что усталые, наугощавшиеся, еле-еле приплетутся домой. Более зажиточные хозяева стараются угостить христославов, поднесут стаканчик. Но, надо сказать, дед Василий не пил вина, а весь остальной причт крепко употреблял. Бывали случаи, что диакон с псаломщиком поотстанут от бати, а в некоторых случаях затеряются так, что их домой представят «в немощных». Народ за такое положение

не осуждал духовенство. «По слабости духа», «плоть немощна», «бес попутал» – вот и все оправдание.

В Петров пост собирали масло, сметану, а осенью – ругу, сбор зерна. Следует отметить, что все эти сборы совершать заставляла малая обеспеченность. Если проследить и просмотреть духовенство XIX - XX вв., то среди них не найдешь лиц с капиталом. Хозяйства их не были показательными. Была поговорка: «У тебя на лошади сбруя, как у поповской кобылы». Это говорит о том, что у большинства попов хозяйство не поставлено как следует. Лошадям мало внимания уделялось во времена деда. Не скажешь этого по молочному и продуктивному скоту. Его держали в лучшем уходе. Было для них хорошее пойло. Собранные за время «славы» куски хлеба, а чаще всего, батюшке пекли специальные хлебцы, – сушили, шли потом в корм скоту. Отпаивали добрых телят. В народе был поговорка: «Добра как попова телка».

Собранные в Пасху яйца, а их скапливались сотни (вареных и сырых), варили и засаливали в бочку. Так они хранились долгое время в рассоле и употреблялись летом в навозную возку, сенокос и жатву как продукт наиболее питательный и калорийный.

Когда посмотришь на весь причет церковный, то перед глазами всплывает картина жизни людей фактически настроенных на религиозность (без идейности) и питающихся от крестьянского труда.

Русская пословица говорит: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». О чем это? Был ли крестьянин искушен в религии? Знал ли что-либо о христианской идеологии, будучи неграмотным? Он смотрел на мир так: «Это от Бога – добро, в это от Дьявола – зло». Идет вечная борьба между добром и злом. А дальше крестьянин видел кучу противоречий, где он разобратся не мог. Вся действительность перепутывалась. Как в ней разобратся? Видимо, поп больше знает, – думал простолудин.

И жизнь свою крестьянин построил на религиозных обрядах с Попом. «Поп крестит, поп венчает, поп в могилу отправляет». Без попа и не туды, и не сюды. Везде с попом. Поп – проводник по жизни. Поп и грехи принимает, и душу очищает, и от вечных мук в аду кромешном сберегает.

1904 – 1905 – 1906 – 1907 годы

Революционные настроения, мысли, идеи докатились до Шенкурского уезда, до Шелаши. Много административных, политических было сослано в эти глухие, лесные дебри. Жили они среди местного населения. Это были люди грамотные, и в большинстве случаев умели и могли высказывать свое мнение. Это были представители разных партий. Называли их «политическими», «вольнодумцами», «чудаками». Многие из них были не вполне твердых, последовательных убеждений. Были среди них сомневающиеся в существующих истинах. Ходили в церковь. С попом держали знакомство. На исповедь к попу не ходили и о церковных догмах рассуждали, видимо, по-вольтеровски. Считали, что религия нужна как средство, помогающее держать нравственность среди народных масс.

Люди, имеющие за собой подозрение, не собирались группами, а посещали наш дом в одиночку и рассуждали потихоньку с отцом. Мне запомнилось одно обсуждение произведения Тургенева «Отцы и дети».

Одним из не особо благонадежных людей был сельский учитель, человек женатый, семейный. Были у них дети. Он дружил с отцом и, видимо, отец был его покровителем, как законоучитель в школе. Папа часто помогал ему выкручиваться из затруднительных положений. У учителя был граммофон с большой трубой. Были пластинки с песнями разного содержания, среди них и революционные.

Однажды учитель, глотнув водки изрядно, задумал повеселить народ и позлить жандармских урядника, стражника и прочих блюстителей порядка. Закрыв двери и окна в доме, где

он жил, поставил граммофон в мезонине и давай проигрывать революционные песни. «Солнце всходит и заходит» и многие другие. Собралась деревня послушать граммофон. Граммофон был редкостью в деревне. Урядник и стражники, услышав запрещенную музыку, хотели остановить просветителя, но не тут-то было: все ходы и выходы были заперты. Попасть не могли. На другой день сделали у него обыск, но пластинок с запрещенными песнями не нашли. Как в воду канули. С обыском к попу не приходили. Считали неудобным. Полиция в праздник была не в особо трезвом виде, а потом, на другой день, не стали заниматься фокусом учителя, считая его пьяницей-забуддой. Полицию (стражника, урядника и прочих) народ не любил, не уважал и ни за что не хотел выдать школьного наставника, пусть и пьяницу.

Отношение отца к служению в церкви

Папа, мой отец, был человек религиозный. Исправно выполнял свой долг служителя культа. Перед службой накануне готовился – читал правило. Но он был уже не дед Василий. В его понятии религия – православие и другие виды религий были шире и, как мне думается, он считал, что в религию вкладывается весь моральный закон жизни. Он считал, что без религии жизнь человека – простое существование без перспективности и надежды.

В бытность в Шелаше отец редко говорил проповеди. Больше беседовал с отдельными людьми из прихожан. Видимо, больше говорили о некоторых житейских, более близких вопросах жизни, чем загробная жизнь. Отец заострял внимание прихожан на поминовении умерших. У него были свои синодики (имена умерших сродников своего и маминого рода), которые он прочитывал в церковном служении и в домашней молитве. Поминали за здравие и за упокой. Помню скорбь папы и мамы по поводу смерти деда Александра Беляева. Он умер зимой. Весть получили письмом. Мама подала письмо папе. Он прочи-

тал, перекрестился и пошел в церковь служить панихиду. Это показывает его религиозность и настроенность.

Отец считал, что молитва индивидуальная, общественное служение и выполнение обрядов нужны человеку для успокоения души, для приведения нервов в порядок, для ускорения уравновешенности. Он прибегал к молитве, уединившись в своей комнате.

1905 год

События 1905 года всколыхнули народ в деревне. Война недовольства против ненавистников шла стихийно, непродуманно, мало организовано. Погоняли стражников, урядников. У купца Лагина сожгли стога сена, рамы побили, да на этом все и кончилось. Помню, как понаехало казаков на лошадях, да как устроили в волостном правлении порку мужиков под руководством урядника и исправника. Одних драли за то, что из удельного имения вывозили себе лес, других – за оскорбление начальства и богатых людей.

После буйной расправы с мужиками жизнь опять пошла по старому руслу. Прибавилось на деревне высланных политиканов, но и те были теперь под более строгим наблюдением. Наступила реакция. Работал шпионаж. Многих мужиков забрали и сослали в Сибирь на каторгу.

Раздумья

Отец не был революционером, хотя его друзья были из группы социалистов революционеров. Но он был противником дикой монархической реакции. Он говаривал, что в наших царях кровь не русская. Они ничего доброго трудовому русскому народу не могут пожелать. Отец любил русский народ и был на стороне трудового люда. Он хотел видеть общество, построенное на идеях христианства, и в то же время слышал песню:

*«Не надо нам монахов,
Не надо нам попов,
Мы на небо залезем –
Разгоним всех богов».*

Он прекрасно понимал свой народ. «Я – за народ, а народ настраивается против меня».

Это было заметно из разговоров, содержание которых я мог понимать интуитивно. Отец не был фанатиком, бросающимся против атеистов. Он был христианином, искреннее верующим в справедливость идей Христа. Он видел лицемерную елейность православных христиан высшего сословия – людей, прикрывающихся Христом, а на самом деле далеких от истинного Христа. Он видел развивающийся капитализм как паука, опутывающего земной шар, щупальца и паутина которого были перед его глазами. Видел жертв капитализма, читал о них.

Матери отец говаривал: «Трудно богатому войти в Царство Небесное». Книги Льва Николаевича Толстого – «Война и мир», «Анна Каренина», «Крейцера соната», «Воскресение» и другие были предметом обсуждения при встрече с друзьями. Отец очень сожалел, что произошло событие предания Толстого Л.Н. анафеме и отлучения его от церкви. Книги были друзьями моих родителей.

Война 1914-1918 годов

В империалистическую войну солдаты шли на фронт с лозунгом «За веру, царя и отечество!» Для поддержания патриотического долга и религиозного чувства, для умиротворения волнующихся «сердец солдат» в каждом полку был служитель культа – поп.

Церковные владыки выделяли и благословляли священников видных, по-возможности, вдовствующих, бессемейных. Таким оказался дядя Коля. Мотивов для отказа у него не было.

Во время пребывания на фронте дядя вращался среди солдат, а жил на правах офицера в отдельной палатке с денщиком. Видел жизнь офицерского состава и солдат. Офицерский состав определенно не был религиозен, формально выполнял религиозные обряды и обычаи. В офицерском составе много было

вольнодумцев. Офицеры считали попа миротворцем, временным укротителем волнующихся солдат. Солдаты давали (принимали) присягу на верность царю, Отечеству и вере православной в присутствии служителя культа – попа, целуя крест и Евангелие, лежащее на аналое.

Поп с христианской моралью был барьером в истинном понимании военной обстановки и событий времени. Христианская мораль затуманивала сознание солдата, и он храбро сражался за Веру, Царя и Отечество.

Время шло. Среди солдат чаще стали слышаться разговоры о том, какому Богу молятся немцы, какую веру исповедуют? – «Бог, которому молятся немцы тот же самый, как и наш? Кому Бог будет помогать? Все... Дальше некуда ехать».

Безусловно, среди солдат были люди грамотные и с ясным пониманием истинной причины войны, её бесполезности и бесцельности. Кому нужны войны? Кто, главным образом, погибает на войне? Трудно и невозможно стало поддерживать патриотический дух солдата. Служители культа, духовные лица, духовная религиозная настройка потеряли авторитет. В начале 1917 года большинство попов выехали из воинских частей. Вернулся и дядя Коля в свое родное гнездо.

Впечатления от войны 1914-1917 годов

Россия к войне с Германией была не подготовлена. Техническая оснащенность немецкой армии – на более высокой степени. Одно патриотического духа наших солдат явно недостаточно для победы. Не было взаимного понимания между солдатом и офицером. Солдата рассматривали как пушечное мясо. Для народных масс не ясна была цель войны. Попы в воинских частях оказались совершенно ненужными. Они иногда слышали разговорчики: «В христианском законе сказано «не убий», а вы благословляете идти в атаку, в рукопашный бой». – «Не могли мы удержать патриотического духа. Мы были не нужны».

1917-1925. Отношение дяди к церковным группировкам

После революции среди руководства церковных вожаков появились различные направления в понимании религиозных вопросов – группы: «живая церковь», «обновленцы», «старо-церковники», «тихоновцы» и др. Ни к каким религиозным группировкам дядя не примкнул. Он внутренне, интуитивно заметил фальшивость в их предлагаемых изменениях церковных служб. Он рассуждал, что понять религиозную настроенность одним разумом невозможно. Изменить форму церковных отношений надо: пусть люди подумают, а потом и сделают. Все быстрые заскоки ни к чему доброму не приведут. Надо помнить русскую мудрость: «Тяп да ляп не получится корабль». И решил: буду доживать свой век по старым, дедовым духовным установкам.

Разговор дяди с молодым поколением

Пришли новые времена, будет и новая жизнь, которая выработает новые формы общежития. Вместо христианской морали будет новый моральный закон. По-новому определятся права и обязанности человека. Религия будет частным делом. В этом сущность свободы совести. Христианская идеология не мешает человеку строить жизнь на новых социальных основах. Но как эта «свобода вероисповедания» будет выглядеть, покажет время. У партии есть лозунг: «Религия – опиум для народа». Не могут существовать на равных правах две идеологии при нашем государственном строе. Вы видите, что политических партий не может быть, кроме одной ВКП(б), а тем более – идеологий. Диспуты на религиозные темы запрещены. Это значит, что новое общество будет построено на атеистических началах.... Весь фундамент жизни будет крепиться на данных науки. Служитель культа – попы – не нужны. Попов считают шаманами, мракобесами, врагами прогресса, тормозами в проведении культурной революции. «Если враг не сдается, то его уничтожают». При этой мысли немного жутко. На молодых поповичей тоже

косо смотрят. Будьте мужественны. Покажите, что вы можете работать и имеете право на жизнь. А пока «кипит котел», спасайся, кто может.

1927.

Последние слова дяди Коли к молодому поколению

Дорогие друзья! Наше племя, молодая смена, новое поколение! Перед вами – новые горизонты, светлые идеи. Сумейте осуществить в жизни мечты человечества о счастливых временах. Но не клеймите печатью презрения своих отцов, дедов и прадедов. Они прожили свой век великими тружениками. Видели они страдание народа, слышали плач и вздыхания обездоленных людей. Они видели причины народной нужды и бедствий, а помочь могли только словом утешения. Самое тяжелое переживание для человека – это бессилие помочь страждущему. Хорошо охарактеризовали жизнь попов в своих произведениях Некрасов, Лесков, Помяловский, Иларий Шадрин. О попах – все. Времена колокольных дворян закончились. Попы в свое время были самыми грамотными людьми в деревне, а теперь они не нужны. XV-ый съезд партии указал путь развития народному хозяйству. Съезд дал санкцию новому революционному наступлению на идеологическом фронте для расчистки пути к новой общественной формации.

Мне он сказал так: «Шура, устраивайся на работу куда угодно – безразлично. Поезжай отсюда и дальше. Надвигается ураган, смерч. Скоро все смешается во едино месиво. В рай – мука, говно и толокно. Все будет сметено могучим ураганом».

Список использованной литературы и источников

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-омъ отделении Департамента Генерального Штаба. Томъ II. Часть 3. Вологодская губерния. 1850.
2. Казиев, С.Ш., Бурдина, Е.И. История России в таблицах и схемах. М.: Лист, 1999.

3. Коротаяев, В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: ПГУ, 1998.
4. Матонин, В.Н. Наше море - наше поле. Социокультурное пространство северной деревни: структура, генезис, семантика. Архангельск: САФУ, 2013.
5. Митрофанов Георгий, протоиерей. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021.
6. Михайлов, С.В. Положение церкви и верующих в Архангельской губернии в 1918-1922 гг. // Государство, религия, этносы на Севере. Архангельск, 1998.
7. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896-1897 гг. Вологда, 1898. Ч. 1.
8. Пospelовский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: «Республика», 1995.
9. Турундаевский, А.А. Наша семья // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей. Составитель и научный редактор В.Н. Матонин. Архангельск-Москва: Товарищество северного мореходства, 2011.
10. Федоров, В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. М.: «Русская панорама», 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анциферова Анна Ивановна

главный хранитель музейных фондов ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (г. Архангельск)

Бедина Наталья Николаевна

профессор кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», доктор культурологии, доцент (г. Архангельск)

Егорова Екатерина Николаевна

доцент кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат филологических наук, доцент (г. Архангельск)

Иванова Анна Александровна, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (г. Москва)

Кильдяшова Татьяна Александровна

доцент кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат философских наук, доцент (г. Архангельск)

Коваль Светлана Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, создатель и декан Педагогической мастерской ПГУ имени М. В. Ломоносова, Заслуженный учитель РФ (г. Архангельск)

Кушкова Людмила Витальевна

методист по научно-просветительской деятельности Музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск)

Лефман Татьяна Олеговна

старший преподаватель кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат культурологии (г. Архангельск)